

ИЗ ПОЧТЫ “ОНС”

Е.А. КРОТКОВ

Мировоззренческий дискурс: территория конфликтов?

В связи с назревающими в обществе конфликтами в сфере мировоззренческого дискурса обсуждается возможность формирования новой социально-психологической установки в коммуникации субъектов разной веры, веры и безверия, способствующей выходу страны из духовного кризиса.

Ключевые слова: мировоззренческий дискурс, конфликт, плюрализм, нейтралитет, толерантность.

The article discusses the potentials for creation a newer and more adequate to the current situation socio-psychological attitude in the communication between agents of belief and unbelief. The issue is observed in the context of emerging conflicts in the field of worldview discourses.

Keywords: worldview discourse, pluralism, conflict, neutrality, tolerance.

Широко известен феномен противостояния цивилизаций, связанный с конфликтом религиозных дискурсов (“языческий мир–христианская цивилизация”, “христианская цивилизация–исламский мир”). Давнюю историю имеет и такой мировоззренческий конфликт, как “теизм–атеизм”. В России противостояние тех, кто “горой стоят” за веру, и тех, кто критически относятся к ней, не завершилось. С уходом в небытие государственного (“воинствующего”) атеизма нарождается феномен “воинствующей” церкви. Сегодня клерикальная пропаганда внушает россиянам мысль о том, что обращение народа к религии необходимо для спасения России от нравственного нигилизма и вестернизации, а неверующий в Творца потенциально непатриотичен и бездуховен¹. Само понятие “духовность” часто отождествляется с церковной религиозностью, а нравственное просвещение молодежи государство, судя по всему, готовится передать под патронаж церковным структурам. Об этом свидетельствуют “встраивание” религиозной идеологии в школьное образование (под предлогом ознакомления детей с основами религиозной культуры), передача церковным структурам хранящихся в музеях произведений искусства и символов религиозного содержания, участвовавшие выступления церковных иерархов по каналам СМИ в роли блюстителей общественной нравственности, комментаторов общественно-политических событий, и т.п.

Между тем имплантация авторитарно-этатистского варианта христианского (равно как и исламского, иудейского и иного) мировоззрения в государственную идеоло-

¹ В статье “Теологический агностицизм в диалоге с религией и атеизмом” Л. Столович отметил: “Приветствуя то, что церковь сегодня получила большие права в духовной жизни общества, А. Сахаров не без основания опасался наступления такой ситуации, когда нужно будет уже защищать не верующих, а атеистов” [Столович].

гическую доктрину едва ли будет способствовать духовному росту, миру и процветанию российского общества. Однако уже публикуются статьи, в которых содержатся призывы к изменению на православных основах существующего государственного строя. Так, священник Д. Познанский пишет: “Необходимо приводить в соответствие с православной цивилизационной моделью всю государственную систему... поскольку любые попытки скрецицивания христианских ценностей с секулярно-либеральными институтами западной демократии обречены на провал” [Познанский, 2008]. Еще И. Кант писал, что “религиозные распри, которые столь часто потрясают мир и заливают его кровью, никогда не представляли собой ничего другого, кроме разногласий из-за церковной веры” [Кант, 1980, с. 178]. В современном мире причастность религиозного фундаментализма к развязыванию вооруженных конфликтов – далеко не рудиментарное явление.

Лидеры основных религиозных конфессий заключили между собой негласный “пакт о ненападении”, дабы не отвлекать силы от их “священной” борьбы за умы и сердца мирян и тех, кто еще не обратились в их веру. Уместно заметить, что это перемирие не может не быть временным, тактическим, поскольку каждая из конфессий, в точности следуя завету ее основателя, провозглашает свою веру единственно верной, а принадлежность к иной вере – едва ли не большим грехом, чем просто безверие². А. Мельников ставит, на мой взгляд, вполне обоснованный диагноз сложившейся ситуации: “В XXI веке религиозные общины обычно стараются скрывать свои разногласия, подчеркивать их считается неполиткорректным... Священники, имамы, ламы и раввины, собираясь под крышей межрелигиозных форумов и советов, демонстрируют время от времени, что в стране царят межконфессиональный мир и согласия... Стоит священнослужителям сойти с высоких трибун и остаться наедине со своей паствой в храмах, молитвенных домах и общинных центрах, смысл и тональность их выступлений меняются. Борьба религиозных организаций России против нетрадиционных учений, постоянные попытки пересмотреть светские устои государства, непрерывные проявления религиозной нетерпимости, часто переходящие в криминал, в разных частях страны – все это замалчивается, затеняется завесой уверений в готовности вести межрелигиозный диалог” [Мельников, 2008].

Я не ополчаюсь на религию как таковую и не намерен обелять партийных и государственных лиц, по чьей вине взрывались храмы и ломались судьбы тех, кто молились в них. Настаиваю лишь на последовательном и безоговорочном соблюдении положений Конституции РФ о свободе совести и светском характере нашего государства. Не менее важным представляется формирование принципиально новой социально-психологической установки в отношении друг к другу субъектов разной веры, равно как веры и безверия, способствующей выходу страны из духовного кризиса. Она связана с традицией плюрализма и толерантности в мировоззренческой сфере.

Метафизические основания мировоззренческого дискурса. Любое мировоззрение представляет собой личностно-духовно образование, которое Р. Рорти удачно называл “искупительной истиной”³. Искупительная истина удовлетворяет человеческую потребность “увязать все на свете – все события, всех людей, все идеи – в некий единый контекст, который каким-то образом оказался бы естественным, предопределенным и единственно возможным”, а также “единственно значимым для определения смысла человеческой жизни, потому что только в данном контексте человеческое

² “Религии, особенно монотеистические, исконно непримиримы к иным религиям и вообще к иным мировоззрениям. Если Бог истинен, если истинны Его имя, облик, атрибуты, священная история, святые, то это должна быть истина для всех людей”, – отмечает Н. Розов [Розов, 1998, с. 24].

³ Вполне осознаю многозначность слова “мировоззрение” и в дальнейшем изложении с этим словом будет ассоциироваться понятие, которое обычно именуется “картиной мира в целом и пониманием места в нем человека”. Все иные контексты употребления слова “мировоззрение” (к примеру, такие как “политическое мировоззрение” или “экономическое мировоззрение”, “коммунистическое мировоззрение” или “буржуазное мировоззрение”, и т.п.) более уместным было бы именовать словом “кругозор”.

существование будет явлено в истинном свете”. Верить в искупительную истину значит верить, что “есть некая подлинная реальность за видимостью явлений, что есть одно истинное описание всего существующего и случаемого, один главный секрет и одна окончательная разгадка” [Рорти, 2003, с. 3]. Сразу же подчеркну: “истина мировоззрения” и “научная истина” – существенно различны. Содержание научных теорий достаточно уверенно контролируется логикой и экспериментом, поэтому рано или поздно специалисты приходят к относительному единству в их признании. Мировоззрения тоже могут быть насыщены сведениями из различных областей науки, но их фундамент составляют некие метафизические построения, для которых характерны универсализм и абсолютизм.

Множественность мировоззрений и их борьба. О невозможности построения мировоззрения, “истина” которого приемлема для всех и на все времена, косвенно свидетельствует отсутствие интерперсонального аргументативного преимущества у любой из мировоззренческих позиций по таким вопросам, как: “является ли мир самодостаточным или он сотворен Богом?”; “ограничен мир или безграничен во времени и пространстве?”; “бессмертна ли душа человека или она погибает вместе с телом?”, и т.п. При этом проблема не в том, что тезис доказывается неправильно, а антитезис – правильно (или наоборот), но в том, что у полемизирующих сторон не существует единого поля аргументации: те положения, которые в качестве аргументов представляются несомненно истинными для одних, не признаются в качестве таковых другими, и любая дискуссия оказывается неконструктивной. Данное обстоятельство послужило В. Дильтею поводом заявить: “Борьба мировоззрений между собой ни в одном основном пункте не увенчалась победой одного из них. История производит из них отбор, но великие типы их сохранили всю свою силу, недоказуемые и неразрушимые. Они не могут быть обязаны своим происхождением тому или иному доказательству, ибо никакое доказательство разрушить их не может” [Дильтей, 1995, с. 225].

Употребляя слово “борьба”, Дильтей осознавал, надо полагать, что эта борьба в истории человечества нередко оказывалась “пусковым механизмом” для политических и военных конфликтов, была их идеологическим сопровождением. Очевидна связь религиозных представлений и с нынешней конфликтной ситуацией на Ближнем Востоке, в Алжире, Пенджабе и т.д.⁴ Роль религиозного манипулирования для достижения и сохранения власти очевидна. И только религиозность как фактор “морально доброго образа мыслей” и “доброго образа жизни” (И. Кант), а не в качестве аргумента в противостоянии политических амбиций составляет реальную и безальтернативную основу решения проблемы межконфессиональных конфликтов – одну из самых опасных угроз всему мировому сообществу. Впрочем, и другие формы мировоззрения с наименьшим “успехом” использовались для антигуманных целей (метафизика воли к власти – в идеологии Третьего рейха; сращенный с диалектикой материализм – в идеологии большевизма, и т.д.). Поэтому желательной была бы такая ситуация в обществе, когда над политическим, юридическим и этическим дискурсами не довлеют мировоззренческие постулаты, а “апелляция к мировоззрению” не принимается в расчет в обосновании регулятивов и ценностей общецивилизационной значимости⁵.

Вместе с тем столь же контрпродуктивны и призывы “покончить раз и навсегда” с верой либо, напротив, с безверием: если какое-либо из этих мировоззрений принимается личностью осознанно и добровольно, оно может позитивно повлиять на нравственное и психическое ее здоровье. К примеру, религиозное мировоззрение служит хорошим лекарством против синдрома “осатаневшей самости” (Ф. Достоевский), то есть безбрежного эгоизма, цинизма и своеволия, а также средством психологической

⁴ Идеологи религиозных организаций нередко интерпретируют подобного рода конфликты как “неизбежное столкновение божественных и сатанинских сил, и на этой основе культивируют фанатизм и оправдывают любую жестокость и вероломство” [Мунтян].

⁵ Джон Ролз, автор знаменитой теории справедливости, не случайно стал настаивать на том, что публичное понимание социальной справедливости должно быть максимально независимо от противоборствующих философских и религиозных учений [Rawls, 1993].

компенсации несбывшихся надежд и невозполнимых утрат личности. А безрелигиозное мировоззрение способно блокировать потенциал безграничного ее самоуничтожения и атрофию социальной активности⁶.

Мировоззрение и толерантность. Каждый человек волен идти по жизни с понятной ему и родственной его душевной организации “искупительной истиной”, и никто не должен понуждать его ни прозелитизмом, ни системой воспитания/образования к принятию какого бы то ни было “аутентичного” мировоззрения. В этом заключена суть мировоззренческой толерантности как уважительного отношения к людям с иным мировоззрением. Ее антипод – мировоззренческая интолерантность, то есть агрессивное отношение к людям с иным мировоззрением на основе убеждения в том, что только мое (наше) мировоззрение правильно и допустимо. В этом смысле теизм и атеизм как аргументационные системы с их интенцией “победить”, “искоренить”, “вытеснить” не вписываются в модель консонансного социального бытия, поскольку мировоззренческий текст, “истина” которого пытается подвергнуть остракизму любые другие “искупительные истины”, являются актами духовного насилия. “Люди, считающие, что их вряд ли может заинтересовать вопрос о существовании Бога, не вправе осуждать людей, которые страстно верят в его существование, или людей, которые не менее страстно отрицают его. И ни те, ни другие не вправе осуждать тех, кому этот спор кажется бессмысленным” [Рорти, 2008]. Безальтернативный способ коммуникации между субъектами разных мировоззрений мне представляется таким, когда ее участники оказываются способными к соблюдению мировоззренческого нейтралитета и следованию принципам толерантности: «“Слышать” друг друга, и при этом обойтись “без драк на меже”, с этой точки зрения, можно лишь при обоюдном допущении, что “может быть, я прав, или, может быть, ты прав, или никто из нас, или, неизвестным для нас способом, мы оба правы вместе”» [Панич].

Толерантность, мировоззренческий нейтралитет могут иметь место лишь в условиях, когда у их субъектов – людей или социальных общностей с расходящимися векторами сиюминутных интересов, с антипатиями, неприязнью и т.п. – имеется общая основа, позволяющая им вступить в диалог и выявить единство в сфере долгосрочных интересов, фундаментальных принципов и ценностей. Не в теории, а на практике познавшее горечь мировоззренческой нетерпимости, расового, национального и социально-классового эгоизма мировое сообщество вплотную приблизилось к “прозрению” координат общечеловеческого аксиологического пространства. И так ли уж важно, в чем философы, культурологи и теологи усматривают их источник – в антропологическом единстве человечества, в адаптационных закономерностях эволюции социального бытия, в абсолютных теоретических интуициях или в Слове, которое было у Бога? Важно другое: добровольное и осознанное следование “духу универсальной нормативности” (Э. Гуссерль), или кодексу человечности, составляет одно из важнейших условий выживания планетарной цивилизации.

В этой связи весьма опрометчивым представляется отказ мультикультурологов от идеи единства культур из-за их непреодолимых различий, поскольку-де конфликт цивилизаций – следствие унификационных практик западных стран и инструмент обретения глобальной гегемонии США. “Такие попытки ведут к тому, что в социальных науках и философии Различие приобретает большую ценность, чем Тожество, а политическая и правовая практика оказываются беспомощными перед лицом серьезных Вызовов, угрожающих человечеству” [Чукин, 2002, с. 84].

Толерантность не равнозначна “смиренной любви” (в духе заповедей Христа, учений Л. Толстого и Ф. Достоевского) или “принятию других, каковы они есть”. Субъекты мировоззренческой толерантности должны проявлять неуступчивость, а нередко и активное – в легитимных рамках – противодействие по отношению к тем, кто пропагандируют идеи и совершают деяния, несовместимые с упомянутым выше кодексом

⁶ Христианство, равно как и светский гуманизм, отмечены в истории западного общества значительным вкладом в развитие культуры и науки. Это хорошо известно. Но из этого не следует, что их позитивное влияние на современное общество сохраняет свои прежние глубину и масштаб.

человечности (к членам расистских и ультранационалистических организаций, экстремистских религиозных сект, к фашиствующим молодчикам, коррупционерам).

Мировоззренческий дискурс и мораль. Особую остроту мировоззренческий конфликт проявляет в противостоянии теологов и религиозных философов, с одной стороны, и нерелигиозных мыслителей (философов и ученых) – с другой, по вопросу о генезисе и природе морали.

Начну с публикации, в которой представлены результаты экспериментальных исследований из области психологии морали, проведенных специалистами факультета психологии и эволюционной биологии человека Гарвардского университета. Они предлагали тест мужчинам и женщинам разного уровня образования, политических и религиозных убеждений. Им нужно было оценить некое действие по семибальной шкале как допустимое или неприемлемое с моральной точки зрения. “Результаты научных исследований свидетельствуют, что, хотя вероисповедание накладывало отпечаток на характер ответов, в группах верующих и неверующих не выявлено достоверных различий в решении моральных дилемм. Из этого ученые делают заключение, что внутренние понятия о добре и зле не зависят от следования религиозным догмам. В поддержку своего тезиса о независимом возникновении религии и морали авторы приводят в пример детские социальные отношения, в которых, безусловно, присутствуют моральные нормы, притом, что дети еще не вовлечены в религию. В качестве иллюстрации того, что решение моральных дилемм не зависит от отношения к религии, авторы приводят пример легализации эвтаназии в Нидерландах и запрета ее в США, несмотря на сходный уровень религиозности того и другого общества” [Маркина, 2010]⁷. В теоретическом плане эта точка зрения вполне может опереться на авторитетное мнение Канта, согласно которому “для себя самой... мораль отнюдь не нуждается в религии”, “не нуждается ни в идее о другом существе над ним (человеком. – *Е.К.*), чтобы познать свой долг, ни в других мотивах...” [Кант, с. 78].

Но ведь не подлежит сомнению и другое. Во многих разновидностях религиозных дискурсов несложно найти широко признанные принципы морали: осуждение бессмысленной жестокости, вероломства, предательства, разврата, неуважительного отношения к старшим, пренебрежения родительским долгом, и т.п. Религия в процессе культурной эволюции человечества обеспечивала возможность сравнительно простого пути соблюдения этих фундаментальных норм человеческого общежития. Однако в истолковании этих норм с позиций догматов вероучения содержится немало чуждого культуре и нравственности современного (“открытого”, по терминологии К. Поппера) общества. К примеру, православный катехизис растолковывает верующим, что в пятой заповеди (о почитании старших) под “родителями” следует подразумевать не только отца и мать, но и всех тех, кто “заступает место родителей”, то есть “начальников гражданских” и “начальников духовных”, в первую очередь царя, затем церковных пастырей и, наконец, вообще всех “начальствующих в разных отношениях” [Святитель...].

В атеистические времена Россия шла по жизни “мимо” Бога. Тем не менее в народе высоко ценились трудолюбие и профессионализм, было развито чувство коллективизма и личной ответственности. “Интернационализм и братство народов”, “любовь к своей стране, ее культуре”, “уважительное отношение к пожилым людям”, “забота о детях” и т.п. тоже не были пустыми словами для миллионов граждан. Многие ценности и принципы общечеловеческой морали нашли отражение в так называемом “моральном кодексе строителя коммунизма”. Но и они были деформированы идеологией марксизма-ленинизма. Достаточно напомнить о ленинском тезисе выводимости нравственности из интересов классовой борьбы пролетариата.

⁷ Представляется достаточно аргументированной и такая точка зрения: “Моральные установки людей, исповедующих разные религии, но живущих в одном и том же обществе, зачастую гораздо более похожи, нежели установки людей одной религии, но из разных обществ” (Религия и мораль – <http://lex-kravetski.livejournal.com/8239.html>).

Всечеловечность принципов морали как осознанно принимаемого императива, следование которому уже в не столь отдаленной перспективе составит одно из важнейших условий выживания человечества (ныне предельно разобщенного), едва ли оспорима. Ее основу составляет “золотое правило нравственности”, то есть правило практического этоса “поступать по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы он поступал по отношению к тебе” (или “не делать другим того, чего не желаешь себе”). Кант воспринял эту максиму как убеждение, присущее здравомыслящему человеку, независимо от ее происхождения, положения, вероисповедания, и представил его в форме категорического императива. Для мирового сообщества, прошедшего после Канта через ужасы многих революций, региональных и мировых войн, поставленного ныне перед лицом глобальных финансово-экономических и экологических проблем, невиданного по своему масштабу всплеска терроризма на религиозно-этнической основе, категоричность этого требования уже не кажется столь гипертрофированной, а его содержание – формалистичным.

Мировоззренческий дискурс и вопрос о смысле жизни. Вопрос о смысле жизни волнует в глубине души каждого человека. Но он (как полагали религиозные мыслители) категорически неразрешим вне контекста религиозного мировоззрения. “Для того чтобы жизнь имела смысл, необходимы два условия: существование Бога и наша собственная причастность Ему, достижимость для нас жизни в Боге, или божественной жизни. Необходимо, прежде всего, чтобы, несмотря на всю бессмысленность мировой жизни, существовало общее условие ее осмысленности, чтобы последней, высшей и абсолютной основой ее был не слепой случай, не мутный, все на миг выбрасывающий наружу и все опять поглощающий хаотический поток времени, не тьма неведения, а Бог, как вечная твердыня, вечная жизнь, абсолютное благо и всеобъемлющий свет разума” [Франк]. Несомненно, мы имеем хорошо продуманное в метафизическом плане решение проблемы смысла жизни. Есть только одно “но”: непосредственный адресат этого решения – человек традиционного общества. Современное западное общество основывается на идеалах креативной деятельности, творческой активности суверенной личности с развитой рефлексивностью ее сознания, ориентацией на критерии доказательности мышления, десакрализацией окружающей природы и космоса [Степин], что мало совместимо с культурой и менталитетом традиционного общества. Принимая религиозное мировоззрение и имплицитное им решение проблемы смысла жизни, искренне верующий человек склонен выносить “за скобки” жизненное пространство современного социума, риска оказаться в нем “посторонним”.

Безрелигиозное мировоззрение в решении проблемы смысла жизни менее взыскательно, но более реалистично и не менее гуманно. Во всяком случае, оно совсем не обязательно должно быть пессимистичным. Смысл жизни состоит в способе ее проживания, в практическом решении личностью вопросов “к чему стремиться?” и “как этого достигнуть (какими средствами)?”, исходя из реальных возможностей и не полагаясь на промысел божий. А это означает, что жизнь у людей складывается по-разному, поскольку нет универсальных рецептов ее “обустройства”. Однако любой человек – при желании и наличии воли – может обрести смысл жизни в том, что он дает людям (созидательным трудом, заботой о детях и внуках); что он берет от мира (радость общения в кругу семьи и с друзьями, с природой и искусством); наконец, в мужестве и человеческом достоинстве, с которыми он переносит тяготы жизни и удары судьбы [Франкл, 1990, с. 164–165, 173–174]. Для многих людей такой *modus vivendi* не обязательно предполагает молитвенное служение, паломничество по святым местам и ожидание грядущего пришествия Христа (или мессии), хотя и их жизнь преисполнена достоинства и благородства.

Подведу итоги. У человечества никогда не иссякнет потребность в “искупительной истине” – постижении оснований мира и непреходящего смысла нашей скоротечной жизни в нем. Кто-то надеется получить “искупление” верой в единого Бога (Христа, Аллаха, Яхве), другим уютнее проживать в секуляризованном мире научного материализма, третьи тяготеют к миру языческого многобожия либо агностицизма, и т.д. Ничего предосудительного не вижу и в том, что на разных этапах своей жизни

человек обретает духовную опору в разных “искупительных истинах”. При этом, как я полагаю, непременным условием непреходящей позитивной значимости жизни любого человека является следование понятным и доступным каждому гуманистическим ценностям и принципам морали. “Будь таким, каким ты сам себя воспитаешь в своем свободном самоопределении. Но общезначимые ценности остаются непреложными. Они нуждаются в защите и поддержке, в том числе и твоей. Ты свободен во всем остальном, но за общезначимые ценности ты в ответе” [Розов, 1998].

А избавиться хотелось бы от любой формы принуждения к принятию какой-либо из мировоззренческих доктрин – в качестве “единственно верной”, и навязывания на этой основе всему обществу ее ценностей и регулятивных принципов – в качестве институциональных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век. Антология. М., 1995.

Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.

Маркина Н. Мораль легко отделима от религии (http://www.infox.ru/science/human/2010/02/05/Religia_moral.phtml).

Мельников А. Диалог религий в любой момент может перерасти в конфликт (http://religion.ng.ru/events/2008-04-02/3_dialog.html).

Мунтян М. Политика и религия (<http://viperson.ru/wind.php?ID=380190>).

Панич А. О пользе и вреде скептицизма для философии (<http://www.scorcher.ru/art/theory/scepticism/scepticism2.php>).

Познанский Д. Цивилизационная несовместимость // Политический журнал. 2008. № 4.

Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск, 1998.

Рорти Р. Антиклерикализм и атеизм // Логос. 2008. № 4.

Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3.

Святитель Филарет (Дроздов). Пространный Православный Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви (http://azbyka.ru/dictionary/10/drozдов_katehizis_1g_14_all.shtml#002).

Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и перспективы техногенной цивилизации (<http://spkurdyumov.ru/Stepin51.htm>).

Столович Л.Н. Теологический агностицизм в диалоге с религией и атеизмом (http://www.atheism.ru/library/Stolovich_1.phtml).

Франк С. Смысл жизни (<http://www.ref.by/refs/90/39253/1.html>).

Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

Чукин С.Г. Ю. Хабермас versus А. Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий. Сборник к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. Серия “Мыслители”. Вып. 11. СПб., 2002.

Rawls J. Gerechtigkeit als Fairneß: politisch und nicht metaphysisch// Kommunitarismus: Eine Debatte über die moralischen Grundlage moderner Gesellschaften. Frankfurt-am-Main, 1993.

© Е. Кротков, 2012

Сдано в набор 19.12.2011

Подписано к печати 26.01.2012

Формат бумаги 70 × 100^{1/16}

Офсетная печать

Усл. печ.л. 14,3

Усл.кр.-отг. 6,0 тыс.

Уч.-изд.л. 18,4

Бум.л. 5,5

Тираж 411 экз. Зак. 2152

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049

Издатель – Российская академия наук. Издательство “Наука”: Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997

Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”»: Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099